

ВСЕМИ ЗАБЫТОЕ

ДВУРЕЧЬЕ

Вершиной расцвета Двуречья стала середина 80-х. Тогда группа военных тележурналистов из Москвы даже снимала в поселке документальный фильм, фрагменты из которого, говорят, до сих пор мелькают иногда в некоторых передачах центральных каналов. Как же не похожи кадры того благополучия на сегодняшнюю жизнь хозяйства и его людей, которым в нем теперь уже просто не осталось места!

Седьмой военный совхоз, отделение которого было на 24 километре, обеспечивал сельскохозяйственной продукцией военно-морской флот. В Камчатскую флотилию поставлялись капуста, морковь, свекла, зелень, тепличные огурцы и помидоры, молоко и сливочное масло, мясо, куры, яйца. А картофеля выращивалось столько, что его по морю вывозили для приморских военных моряков. При директоре Павлове, уже ушедшем из жизни, но по сей день вспоминаемом двуреченцами добрым словом, все подразделения отделения совхоза — полеводческое, птицеферма, пилорама, теплицы, гараж — ра-

ботали отлаженно. Сбои, без которых не обходится ни в одном производстве, случались — но трудные ситуации были решаемы в так называемом "рабочем порядке", хотя и требовали от руководства быстрых, а порой и неординарных решений. Но в сельском хозяйстве это отнюдь не экстремал. Даже форс-мажорные обстоятельства не подвели это крепкое хозяйство к критической черте. И уж тем более не превращали работающих здесь людей в бедствующее сословие. Зарботки всегда были вполне приличными. Хотя у птичников, к примеру — повыше, а у полеводцев похуже. Но на нормальную жизнь хватало. Люди ездили в отпуска, покупали мебель, благоустраивали быт. Если кому-то не хватало до зарплаты денег, совхозные продукты брали "под запись", да и по ценам, ниже магазинных. В поселке были торговые точки, клуб, пекарня, детский садик, медпункт, баня со знатной парилкой. Котельная, правда, отапливала, кроме конторы и социальных объектов, всего небольшую часть жилого фонда, но жители поселка

были изначально налаживали по принципу "самообогрева" и со временем даже подняли его до уровня вполне комфортного. Во всяком случае, оторванными от цивилизации и вообще от мира себя не считали. Обе улицы — Центральная и Северная — начинались прямо от основной трассы. Тянулись они перпендикулярно ей на довольно протяженное расстояние, но все равно до автобусных остановок (хоть в Елизово, хоть в Петропавловск) путь много времени не занимал. Пожалуй, единственное, что действительно осложняло жизнь двуреченцев — отсутствие телефонной связи. В квартирах телефонов не было вообще, но при необходимости все пользовались аппаратом в совхозной конторе. Даже ночью (мало ли что может случиться?) любой мог взять ключ от "телефонной комнаты" в известном всем "подтайном" месте. Но в перспективе ожидалась телефонизация поселка.

Которую в Двуречье не дождались. И теперь уже и не мечтают о ней. Когда в прошлом году 48-летнему жителю поселка стало плохо с сердцем, ему, как по-

том сказали врачи, спасти жизнь мог один вовремя сделанный укол. Пока соседи организовали машину и добрались в "Скорую помощь", приехавшим медикам оставалось только констатировать смерть не старого и не страдавшего тяжелыми заболеваниями мужчины. Впрочем, за последние несколько лет это не единственный случай. Это страшно само по себе. Но десятикрат страшнее потому, что каждый житель поселка знает и уже как-то спокойно-отстраненно осознает: понадобится ему самому срочная медицинская помощь — шансов дожидаться ее почти нет. В ближайшей воинской части телефон часто не работает, да к нему еще и доступ получить нужно. А до автомата на 26 км пока кто-то из родных или соседей доберется, особенно ночью...

Но двуреченцы стараются об этом не думать. Не только потому, что о грустном не хочется. Оно еще случится или нет, а вот бороться за самое обычное существование им приходится каждый божий день, без праздников и выходных.

Окончание на стр. 3.

ВСЕМИ ЗАБЫТОЕ

ДВУРЕЧЬЕ

Окончание. Начало на стр. 1

Такая жизнь наступила в поселке не в одночасье. Перемены к худшему происходили постепенно, а потому к ним по первости приспосабливались. Сначала, было это лет десять назад, просто дела в седьмом совхозе пошли хуже. А с образованием Группировки войск и сил на Северо-Востоке и ликвидацией седьмого совхоза отделение на 24 километре передали военному совхозу № 146 (что расположен в Березняках). Ну, а дальше совсем грустно события разворачивались. 146-й совхоз раньше находился в ведении Дальневосточного военного округа, и когда Хабаровск передал сельскохозяйственный объект Группировке, тот оказался в странной ситуации. Оперативно вроде совхоз оставался подведомственным Группировке, продолжая обеспечивать ее подразделения производимой продукцией. Но в структурном подчинении напрямую выходил в сельхозуправление ТОФ. В итоге оказался, по большому счету, никому не нужным. Ничего удивительного, что быстро стал приходить в упадок. Директора сменялись один за другим, деятельность сворачивалась, долги копились. В самом-то совхозе еще как-то жизнь теплилась, хотя жители Березняков к тому времени уже называли свой поселок резервацией. Отделение на 24 км, где тоже пошла смена руководителей, оказалось не столь жизнеспособным.

Как рассказывают двуреченцы, рассыпалось хозяйство быстро и, можно сказать, "умело". Не было кормов — порубили кур: птичника не стало. Тепличной пленки не закупили один раз — так каркасы и остались стоять немим укором бесхозяйственности. Правда, те, что прямо в поселке, народ под опеку взял: накрывают, землю удобряют, огурцы-помидоры для себя выращивают. А те теплицы, что через дорогу были, давно растворились в пространстве — даже землю с них вывезли. Кто? Да местные их не знают, а приезжали на грузовиках да самосвалах. Загружались не спеша и не таясь, как законно приобретенное забирали. Упавшие быстро. Поля не засеваются уже который год. Заросли. Жители поселка, кто держит коров, стали выпускать туда скот на выпас. Не тут-то было. Начальство совхозное назначило плату — 800 рублей в месяц за каждую животину. Оставшимся без работы людям такие деньги состоянием кажутся.

В общем, работы в отделении на 24 км нет. Директор, сторожа, электрик, еще несколько должностей — и все. Сельским хозяйством тут давно не пахнет. Оставалась хоть пилорама, которую иногда брали в аренду — но теперь охотников не находится, потому что расценки больно уж жесткие.

Давно закрылась пекарня, исчез магазин, заглохла (теперь уж навеки, потому что чуть не по камешку растащена) котельная. Медпункт, правда, работает. Но в прошлом году молодая фельдшерка, не выдержав, уехала — ей же даже дрова не давали, самой приходилось добывать где придется. Про клуб нечего и говорить — очаг

угас даже без дыма. Его и здание конторы какая-то организация собралась купить, но что-то, видно, не сложилось. Стоят здания пустые и заколоченные, а "офис" нынешнего директора отделения В.П. Антонова расположился в скромном строении рядом с пилорамой. Давно бездействует и баня, в которой скоро, говорят в поселке, коммерсанты что-то откроют. Вроде бы рыбный цех. Только, слава Богу, детский садик работает — муниципальный потому что. Но все равно женщины там молодцы, все на себе тянут, но не сдаются.

Как живет Двуречье? За продуктами (в том числе и хлебом) ездят на 26 км. Работы нет, так те, кто помоложе — если повезет, устраиваются в Елизово или на километрах, а не повезет — тихо спиваются от безделья и безысходности. Кто постарше — перебиваются на пенсию и тем, что "выжимают" из так называемого подсобного хозяйства: когда поселок строился, участки для дворов отводились крохотные. Дороги и жилой фонд совхоз не ремонтирует. Работы людям, отдавшим хозяйству многие годы, не предлагает. Никакой производственной деятельности не ведет. Единственное, что делает руководство — настойчиво требует с жителей платы за жилье и воду.

Все терпели в Двуречье. А вот это стало последней каплей.

Дело в том, что воды в Двуречье нет. И давно. Старый, еще установленный совхозом, насос вышел из строя. В летнее время люди ходили за водой на ручей. Хотя и тяжело ведрами наносить на все хозяйственные нужды воду (приготовить, постирать, помыться, скотину напоить), но не роптали. Осенью же и весной ручей превращается в грязевой поток, и тогда людям хоть караул кричи. А зимой, как наступают холода, другая беда. Вода-то почище, но по льдине едва прорубят — ее тут же льдом затягивает. К прежнему главе района обращались, но ничего не добились. Потому что за содержание поселка муниципальное образование не отвечает — военная территория. Все же в декабре решились к новому руководителю района пойти. Было это уже перед новогодними праздниками. Николай Михайлович Пискун выслушал делегатов поселка и пообещал: если в районном хозяйстве найдут насос — выделят его Двуречью. Н.М. Пискун слово сдержал. 2001 год поселок встречал с хорошим настроением: старенькая водоканалка вновь заработала.

Радость была недолгой. Насос-то исправно качает воду, а вот водопроводные сети за время бездействия системы пришли в негодность. Уже с середины января дом за домом оставались без водоснабжения, а вскоре остались единицы строений, где из открытых кранов едва сочится нитевидная струйка воды.

Зато с водоканалки поистине драгоценная для двуреченцев жидкость с высоты нескольких метров шумно и весело низвергается мощным потоком. Насос круглыми сутками добросовестно делает свою работу. С помощью электричества. И эту работу надо оплачивать. Поэтому В.П. Антонов

приходит в дома жителей поселка и требует оплатить услуги водоснабжения.

— Да нет же воды, вот, смотрите, — убеждают его двуреченцы, показывая до упора открытые краны. Безуспешно.

— Вы бы хотя бы впустую насос не гоняли, — продолжают люди.

Тот же без толку. Кто-то из мужиков достал где-то и вручил электрику некое несложное устройство под названием поплавков — чтобы насос не качал воду избыточно. Видно, недосуг было электрику приспособить к нужному месту деталь — вода хлещет с водоканалки с завидным постоянством. И за воду, орошающую сверх всякой

меры и без всякой надобности территорию вокруг ирригационного сооружения, директор совхозного отделения упорно принуждает платить население поселка, в дома которых эта вода не поступает. Этого двуреченцы не понимают и понимать не собираются. Впрочем, теперь они аналогично ставят вопрос и по квартплате. Коммунальных удобств в совхозном жилфонде нет, а содержат его сами жильцы. Кстати, уже многие годы.

Но при этом они не считают, что квартплаты не должно быть. Все 180 дворов (а каждый двор — это две квартиры, как пра-

вило) готовы платить за жилье и воду, если обеспечивающая организация будет выполнять свои обязанности и если плата будет начисляться по законным, обоснованным расценкам. Готовы, несмотря на то, что живут в поселке в основном пенсионеры и люди зрелого возраста, большинство которых не имеют постоянного источника дохода. Лишь бы жить по-человечески. Они же и за электричество платят, хотя по сей день не могут выяснить хозяина поселковых сетей. КЭЧ от них откритилась, а кто еще может быть — неизвестно. Елизовский "Энергосбыт" только плату принимает — в любом случае ведь посредник получает электроэнергию от Центральных сетей, но не обслуживает поселок. Поэтому мужчинам, кто еще не стар, приходится самим регулярно восстанавливать завалившиеся столбы — те ведь уже от ветхости шатаются, не то что от ветра. Никто не ропщет: знают, каково неделю без света жить, когда еще и других бытовых благ нет (воды, к примеру).

Но даже теперь, когда чаша терпения двуреченцев переполнилась и они обратились в газету, эти люди ничего не требуют, никого не жаждут обезглавить. Все, что просят — пусть военные, раз им не нужен поселок ("мы понимаем, средств не хватает"), передадут его в муниципальную собственность. А мы, говорят, по-

ждем, пока у района до нас руки дойдут — знаем, сколько там проблем. Но как-то легче ждать, объясняют, когда "очередь движется".

Наверное, это самый разумный выход. Но если, при всей очевидности, он до сих пор не использован — значит, существуют какие-то препятствия?

Командующий Группировкой войск и сил на Северо-Востоке контр-адмирал К.С. Сиденко, неизменно корректный и внимательный в отношениях с прессой, и к моему телефонному звонку отнесся с пониманием. Выслушав же предложение двуреченцев, извинился и ответил, что эту тему обсуждать не будет. Тогда бы съездили посмотреть, как живут в этом поселке люди — предложила я ему. Оказывается, Константин Семенович был в Двуречье днем раньше меня. Не могу упрекать его за отказ от разговора — он военный человек, не всегда волен поступать по личному разумению. Но думаю, что увиденное не оставило его равнодушным и решение этого вопроса в ТОФ ускорится.

Однако, помимо готовности военных передать свою собственность муниципальному образованию (и урегулирования вопросов земельных отношений и федеральной собственности), есть еще и Елизовское муниципальное образование. Готово ли оно принять на себя груз двуреченских проблем?

Нет, говорит его глава Николай Михайлович Пискун, не готовы. То есть тут не было

бы никакой проблемы, поясняет он, если бы, как предусмотрено правительственными документами, военные вместе с поселком передавали средства на его содержание в течение трех лет. Но этих денег не предлагается. Муниципальное образование уже столько приняло от военных в "безвозмездный дар", что теперь не знает, как поднимать из руин это хозяйство. А в районе и без того проблем выше головы. В Елизово, например, предстоит восстанавливать все тепловые сети. Запущены дороги, социальные объекты, жилой фонд. Принять сегодня на себя Двуречье, где необходимо полностью заменить систему водоснабжения — значит, забрать что-то от других населенных пунктов, которые ждут выполнения им уже обещанного.

— Но ведь двуреченцы за помощью все равно придут к вам — больше им некуда обращаться, — предупредила я Н.М. Пискуна.

— Знаю, — ответил он. — В чем сможем — будем помогать. А большего пока сделать нет возможности.

Я все-таки надеюсь, что контр-адмирал К.С. Сиденко неспроста побывал на днях в Двуречье, и судьба поселка решится уже в ближайшее время — решится в интересах его жителей.

Елена ФЕДОРЧЕНКО
Фото автора